

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
16 June 2017
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 579/2013* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Г.Н., представлена организацией «Триал» (механизм отслеживания безнаказанности на перманентной основе) и Инициативой «Серука» для жертв изнасилований/ Центром «Серука»
<i>Предполагаемая жертва:</i>	дочь заявителя – К.Н.
<i>Государство-участник:</i>	Бурунди
<i>Дата сообщения:</i>	11 декабря 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	1 мая 2017 года
<i>Тема сообщения:</i>	изнасилование ребенка офицером национальной армии и отсутствие эффективного расследования и компенсации
<i>Процедурные вопросы:</i>	нет
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; меры по предотвращению совершения актов пыток; обязательство государства-участника позаботиться о том, чтобы компетентные ведомства незамедлительно предпринимали беспристрастное расследование; право на подачу жалобы; право на компенсацию;
<i>Статьи Конвенции:</i>	статьи 2 (пункт 1), 12, 13 и 14 в сочетании со статьями 1 и 16 Конвенции

* Принято Комитетом на его шестидесятой сессии (18 апреля – 12 мая 2017 года).

** В рассмотрении сообщения участвовали следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алесслио Бруни, Клод Эллер Руссан, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Ана Раку, Себастьян Тузе и Кенин Чжан.

1.1 Заявителем является гражданка Бурунди Г.Н. 1980 года рождения. Она представляет сообщение от имени своей малолетней дочери К.Н. 17 июля 2003 года рождения. Заявитель утверждает, что ее дочь К.Н является жертвой нарушения статей 2 (пункт 1), 12, 13 и 14 в сочетании со статьей 1 и субсидиарно – со статьей 16 Конвенции. Заявитель представлена адвокатом.

1.2 10 июня 2003 года Бурунди заявило, что признает компетенцию Комитета получать и рассматривать индивидуальные сообщения в соответствии со статьей 22 Конвенции.

1.3 23 декабря 2013 года в соответствии с пунктом 1 правила 114 (бывшее правило 108) своих правил процедуры (CAT/C/3/Rev.5) Комитет попросил государство-участник эффективно предотвращать, пока дело находится на рассмотрении, всякую угрозу или всякий акт насилия, которым могли бы быть подвержены заявитель и ее семья, в особенности, за подачу настоящей жалобы, и держать Комитет в курсе принятых мер на этот счет.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель проживает в коммуне Гихоша мэрии Бужумбуры. Ее дочь К.Н. является ученицей начальной школы Газеньи-II. В момент событий ей было девять лет.

2.2 30 июня 2012 года капитан Д.К. вел ночное патрулирование в северных кварталах столицы¹. В ходе своего дежурства капитан Д.К., будучи другом мужа заявителя, зашел в жилище заявителя и, как обычно, был принят семьей. Ребенок К.Н. тоже был знаком с военнослужащим. В тот вечер мужа заявителя не было дома. Изъявив желание покинуть их жилище, капитан Д.К. попросил заявителя позволить своей дочери К.Н. сопроводить его. Заявитель отказалась, потому что было уже поздно, и она не хотела, чтобы ее дочь выходила в такой час. Она предложила сопроводить капитана самолично, но тот отказался. Потом заявитель вернулась на кухню, чтобы закончить приготовление пищи. Несколько минут спустя она позвала дочь на помощь, но констатировала, что дочери уже нет дома.

2.3 Выйдя на розыски дочери, заявитель узнала от соседей, что те видели капитана Д.К. в сопровождении ребенка К.Н. И тогда заявитель устремилась к главной дороге, но никого там не увидела. Поскольку военнослужащий был другом семьи, она подумала, что дочь быстро вернется, и пошла домой, где у нее оставались другие малолетние дети.

2.4 Когда поздно ночью пришел муж, заявитель, убедившись, что дочь К.Н. еще так и не вернулась, объяснила мужу ситуацию. Муж воспринял это спокойно, и семья решила в отсутствие телефона и с учетом позднего часа дожидаться возвращения дочери. В конце концов на следующий день девочка вернулась домой.

2.5 Через несколько дней после событий К.Н. объяснила, что, когда она с капитаном Д.К. покинула семейный дом, они сперва отправились в дом родителей жены военнослужащего, где тот выпил пива. В конце концов к 23 ч. 00 м. они пришли в дом военнослужащего. Когда они пришли, все уже спали, кроме связиста, сидевшего в автомобиле, который был припаркован в нескольких метрах от входа. Капитан воспользовался не главным входом в жилище, а узким проходом, ведущим на кухню. Он велел ребенку сесть, а сам потом отправился в туалет. Спустя минутку он вернулся обнаженным и, схватив ребенка за руку, снял с нее одежду. Он уселся на стул, силой приподнял жертву, посадил ее на бедра, а потом произвел вагинальную пенастрацию. Когда ребенок стал плакать и кричать, он показал ей свое огнестрельное оружие и пригрозил ей убийством, если она немедленно не прекратит. Терроризированный угрозой, ребенок замолк.

¹ Идентифицирован в первоначальном сообщении его полным именем и табельным номером.

А потом капитан Д.К. отправил ее спать к своим детям. Супруга капитана при виде ребенка, спросила, что она тут делает.

2.6 На следующий день капитан Д.К. дал ребенку 500 бурундийских франков (приблизительно 30 центов США), предупредил ее, чтобы она никогда не говорила о случившемся, и высказал угрозы в ее адрес, а также в адрес ее матери, если она раскроет их секрет. Он попросил двух своих детей проводить ее домой. Под страхом смерти и под страхом того, что с ее близкими произойдет что-то очень плохое, девочка сначала ничего не рассказала матери.

2.7 Однако спустя восемь дней ребенок К.Н. оказался на в состоянии подняться. Она сказала матери, что у нее болит живот. На следующий день заявитель поняла, что дочери очень трудно ходить. И она настойчиво осведомилась о ее состоянии. И тогда ребенок признался, что ее изнасиловал военнослужащий, и умолял мать хранить молчание.

2.8 Когда отец потерпевшей затронул этот вопрос с капитаном Д.К., последний предложил любовную сделку в виде выплаты денежной суммы в обмен на молчание потерпевшей. Заявитель твердо высказалась против такой сделки, что вызвало серьезное разногласие с ее мужем, который был настроен в пользу сделки. В конечном счете муж заявителя покинул семейное жилище. И поэтому она в одиночку продолжала свои демарши в национальных юрисдикциях.

2.9 Как только заявитель узнала, что ее дочь была изнасилована, она на следующий же день, 11 июля 2012 года, отвела ее в Центр «Серука», который предоставляет медицинскую, психосоциальную и юридическую помощь жертвам сексуального насилия. Тем самым потерпевшая стала пользоваться комплексным попечением.

2.10 С 12 июля 2012 года заявитель вместе с дочерью пошла к заместителю прокурора военной прокуратуры в Бужумбуре, чтобы подать жалобу на изнасилование ребенка К.Н. Было заведено дело, и ему был присвоен номер. Несмотря на свои опасения, юная жертва в полном объеме поведала обстоятельства изнасилования. Заместителем прокурора была заслушана также заявитель, и на основе этих слушаний был составлен протокол, равноценный регистрации жалобы. Дознание продолжилось путем заслушивания капитана Д.К. 13 июля 2012 года были вызваны свидетели, а именно супруга военнослужащего и связист, присутствовавший на месте преступления. 13 июля 2012 года заместитель также направил экспертное задание врачу Центра «Серука».

2.11 Как указывает составленное медицинское заключение, гинекологическое обследование показало «разрыв девственной плевы в зоне шести часов условного циферблата, которая находится в состоянии рубцевания, а также сильное покраснение вокруг наружного отверстия мочеиспускательного канала и на внутренних поверхностях больших и малых половых губ». В заключении делается вывод о «наличии признаков травматизма внешних половых органов»².

2.12 Заявитель добавляет, что сильнейшую озабоченность вызывает психологическое состояние ребенка. 13 августа 2012 года, т.е. через полтора месяца после изнасилования, в ходе первого сеанса психологической терапии заявитель отметила, что ее дочь стала одиночкой, что она уже не общалась с другими детьми и демонстрировала признаки тревоги. Психологи отметили у юной потерпевшей «стойкое воспроизведение события путем повторения рассказов в сочетании с уклончивым поведением»³.

2.13 Заявитель к тому же утверждает, что крайнюю озабоченность вызывает экономическое и социальное положение, в котором она находится. Оставленная мужем после ее отказа признать любовную сделку, она пытается в одиночку удовлетворять потребности семьи.

² Заключение фигурирует в деле.

³ Там же.

2.14 Затем заявитель, посещая военную прокуратуру, чтобы осведомиться о ходе расследования, регулярно отслеживала прохождение дела у следственного судьи. Она беседовала с ним 24 июля 2012 года и 1 августа 2012 года. И в обоих случаях тот отвечал, что идет дознание. 7 августа 2012 года, чтобы осведомиться об эволюции расследования, военную прокуратуру посетила юридическая помощница из Центра «Серука». Как она тогда констатировала, первый судебный следователь был переведен в военный совет. В ходе беседы новый следственный судья, который вел дело, указал, что, несмотря на спонтанное свидетельство потерпевшей, делу недостает элементов состава правонарушения. И тогда сотрудница Центра «Серука» предложила свидетельство другого ребенка, который тоже утверждал, что был изнасилован капитаном Д.К., но его жалоба не увенчалась успехом. Заместителем прокурора, который в сопровождении жертвы также посетил место изнасилования, был заслушан отец второй жертвы.

2.15 Заявитель и персонал Центра «Серука» продолжали отслеживать ход дела, но безрезультатно, поскольку, как представляется, следственный судья уже не работает над этим делом.

2.16 25 февраля 2013 года, т.е. спустя восемь месяцев после изнасилования, в возбуждении уголовного дела было в конце концов отказано по причине отсутствия элементов состава правонарушения⁴. Как подчеркивает заявитель, судьи между тем признали, что поздно ночью капитан действительно увел ребенка К.Н. к себе домой, и упомянули медицинское заключение, которое недвусмысленно констатировало сексуальное посягательство. И отказ в возбуждении уголовного дела был произведен исключительно исходя из «довольно продолжительного десятидневного периода до того, как потерпевшая обличила деяние» и «спокойствия капитана Д.К.» и его «доступности» для целей дознания⁵.

2.17 Ввиду явного отсутствия у военной прокуратуры желания возбудить уголовное преследование единственный способ, доступный заявителю, состоял в том, чтобы реализовать прямой вызов в суд на основании статьи 350 Уголовно-процессуального кодекса⁶. Эта процедура ставит жертву в особенно уязвимое положение, поскольку она требует явки предположительного виновника в отсутствие необходимого дознания со стороны прокуратуры и порождает высокий риск репрессалий и нажимов. Заявитель также столкнулась с отказом в регистрации сопроводительного письма к вызову в суд, ибо ее собеседники в военном совете доказывали, что им неизвестна эта процедура. И лишь спустя несколько месяцев заявитель узнала через своего адвоката, что зарегистрировать прямой вызов в суд ей надлежало по месту жительства в Кининдо. В конце концов 22 октября 2013 года в военном совете был зарегистрирован прямой вызов капитана Д.К. в суд. Однако этот прямой вызов в суд остался без последствий.

2.18 Заявитель утверждает, что она использовала все средства правовой защиты, которые были ей доступны и которые оказались неэффективными, ибо проведенное расследование оказалось неполным, неэффективным и пристрастным в нескольких отношениях, и рассмотрение дела не было произведено из-за отказа в возбуждении уголовного дела. Кроме того, заявитель утверждает, что внутренние средства правовой защиты во всяком случае превзошли разумные сроки. Наконец, она отмечает, что в силу царящего в Бурунди дефицита безопасности в сочетании с атмосферой безнаказанности жертвам актов пыток,

⁴ Решение в досье.

⁵ Заключительный пункт решения об отказе в возбуждении уголовного дела гласит: «Несмотря на показания предполагаемой жертвы и свидетельства, полученные у военнослужащего, который сторожил автомобиль предполагаемого насильника, довольно продолжительный десятидневный период до того, как потерпевшая обличила деяние, спокойствие капитана Д.К. и его доступность всякий раз, когда того требовало дознание, вызывают сомнения в совершении правонарушения».

⁶ Статья 350 гласит следующее: «Прямой вызов в суд представляет собой процедуру, возбуждаемую гражданской стороной с целью апеллировать к судье по уголовным делам в случае инертности прокуратуры в проведении дознания по уголовному делу».

включая сексуальное насилие, со стороны сотрудников служб правопорядка особенно опасно преследовать виновных в судебном порядке. Тем более когда исполнитель изнасилования жертвы прямо угрожает ей смертью.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что ее дочь К.Н стала жертвой нарушений государством-участником статей 2 (пункт 1), 12, 13 и 14 в сочетании со статьей 1 и субсидиарно – со статьей 16 Конвенции.

3.2 По словам заявителя, истязания, причиненные девятилетнему ребенку К.Н., изнасилованному капитаном бурундийской армии, носят крайне тяжкий характер. Эти истязания были, бесспорно, причинены ей острыми болями и страданиями и представляют собой акты пыток, как они определены в статье 1 Конвенции, которые и по сей день сопряжены с тяжелыми последствиями для ее физического и психического здоровья. Более того, ребенок К.Н. стала объектом серьезных угроз для ее жизни, ибо ей грозили огнестрельным оружием и угрожали казнить ее, если она будет протестовать против перенесенного изнасилования.

3.3 По словам заявителя, изнасилование представляет собой пытки, если оно совершается государственным служащим, по его подстрекательству, либо с его эксплицитного или молчаливого согласия⁷. Кстати, и международное уголовное право признало изнасилование как одну из форм пыток⁸. Да Комитет и сам признал, что сексуальное надругательство со стороны полиции представляет собой акты пыток, даже если они не были реализованы в официальных местах заключения⁹. Заявитель добавляет, что ввиду юного возраста жертвы причиненные ей страдания носят тем более острый характер, а ее особенная уязвимость усугубляет причиненные страдания.

3.4 Тут было явно налицо намерение истязателя подвергнуть ее острым страданиям, поскольку просто невозможно невольно подвергнуть столь тяжким насильственным сексуальным актам девятилетнего ребенка. Кроме того, сам факт, что он, используя свое положение взрослого человека и друга семьи, да еще и государственного служащего, выманил ребенка из семейного дома, свидетельствует о том, что он действовал вполне преднамеренно и расчетливо. К тому же искомая цель, являющаяся элементом состава преступления пыток, заключалась в данном случае в дискриминации по половому и гендерному признаку. Заявитель напоминает также, что, когда капитан Д.К. осуществлял ночное патрулирование, он занимался исполнением своих функций. Так что действовал он именно как государственный служащий.

3.5 Заявитель добавляет, что вопреки своим обязательствам по статье 2 (пункт 1) Конвенции государство-участник не приняло необходимых законодательных или иных мер для предотвращения в Бурунди практики пыток. На основании жалобы заявителя и жертвы военный прокурор возбудил 12 июля 2012 года дознание по фактам. Были заслушаны стороны, а медицинская экспертиза позволила заключить, что юная жертва подверглась сексуальному посягательству. Судья также посетил в присутствии жертвы место изнасилования и заслушал жертву на месте, вследствие чего она смог констатировать связность ее повествования. Однако после нескольких месяцев бездействия 25 февраля 2013 года военный прокурор, несмотря на наличие солидных признаков винов-

⁷ Автор цитирует доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, A/HRC/7/3, пункт 34 и далее.

⁸ Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, дело № IT-96-21-T, *Обвинитель против Делалича и др.*, постановление от 16 ноября 1998 года; и дело № IT-95-17/1-T, *Обвинитель против Фурундзия*, постановление от 10 декабря 1998 года.

⁹ См. сообщение № 262/2005, *В.Л. против Швейцарии*, решение, принятое 20 ноября 2006 года, пункт 8.10.

ности, отказал в возбуждении уголовного дела за отсутствием элементов состава правонарушения. Военное дознание не отвечало требованиям оперативности, прилежности и беспристрастности. Тщетной оказалась и попытка возобновить разбирательство за счет прямого вызова в суд. Таким образом, никакого преследования предполагаемого виновника не было возбуждено, и сегодня жертва лишена способов отстаивания своих прав. Соответственно, государство-участник уклонилось от своих обязательства по пункту 1 статьи 2 Конвенции.

3.6 Заявитель далее отмечает, что проведенное расследование не отвечало условиям, предусмотренным статьей 12 Конвенции, будучи явно неэффективным и пристрастным; мотивы отказа в возбуждении уголовного дела носят беспочвенный характер, ибо военная прокуратура не приняла в расчет эффект угроз убийством со стороны военнослужащего, имеющего большую власть над девятилетним ребенком, тогда как «спокойствию» капитана было придано непомерное значение. Кроме того, прокуратура, несмотря на тяжесть фактов и юный возраст потерпевшей, не проявила прилежности, не предприняв при проведении расследования эффективные и беспристрастные поиски дополнительных доказательств. По словам заявителя, пассивность властей по отношению к военнослужащему, который так и не был потревожен юстицией, отражает стремление последних защитить его, невзирая на эффективность расследования. Соответственно, государство-участник не выполнило своих обязательств по статье 12 Конвенции.

3.7 По тем же мотивам заявитель также ссылается на статью 13 Конвенции, утверждая, что не было начато никакого расследования, предполагаемый исполнитель не был потревожен юстицией и остается в должности, вследствие чего было также нарушено право жертвы на подачу жалобы, гарантируемое статьей 13 Конвенции.

3.8 По словам заявителя, лишая жертву уголовного разбирательства, бурундийское государство также лишило ее правового способа получения возмещения за материальный и нематериальный ущерб, причиненный столь тяжким преступлением, как изнасилование. Кроме того, реабилитационные меры, которыми воспользовалась жертва, были предоставлены ей только частной ассоциацией Центр «Серука». Государственными же ведомствами не была предоставлена никакая реабилитационная мера. Маленький ребенок испытывает колоссальные трудности с возвращением в школу и возобновлением контактов с другими детьми. Она больше не играет, и создается впечатление, что она погружена в перманентное состояние шока и грусти. Соответственно, государство-участник также виновно в нарушении статьи 14 Конвенции, ибо законные представители юной жертвы не получили никакого возмещения, а жертва – никакой меры в порядке реабилитации и реадaptации.

3.9 Заявитель повторяет, что изнасилование, совершенное в отношении юного ребенка К.Н., является актом пыток, который соответствует определению по статье 1 Конвенции. Тем не менее – и subsidiarily – если Комитет все же не востребует такую квалификацию, то следует признать, что истязания, пережитые жертвой, во всяком случае представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, и по этой причине государство-участник также было обязано предотвращать и пресекать его совершение, подстрекательство или терпимое восприятие со стороны государственных служащих в силу статьи 16 Конвенции.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и по существу

4.1 28 мая 2014 года государство-участник сформулировало свои замечания относительно приемлемости и по существу. Оно подчеркивает, что изнасилование предусмотрено в Законе № 1/05 от 22 апреля 2009 года о пересмотре бурундийского Уголовного кодекса (статья 557, пункты 2 и 5). Государство-участник также касается фактических обстоятельств дела, подчеркнув, что с их приходом

к капитану Д.К. ребенок отправился прямо к его детям и ребенок К.Н. был хорошо знаком с семьей, ибо трижды посещал ее.

4.2 Ссылаясь на медицинское заключение и описанные там травмы, государство-участник отмечает, что выводы эксперта не основываются ни на каких пробах. Оно добавляет, что заявитель перестала приводить свою дочь К.Н. на регулярную психологическую терапию.

4.3 Что касается процедуры, то государство-участник утверждает, что вопреки утверждениям заявителя о распространенности безнаказанности в этом районе открыто уголовное расследование. Проблематика насилия в отношении женщин и сексуальных надругательств привлекает внимание бурундийского законодателя и входит в число приоритетов правительства: Закон об утверждении бюджета на 2014 год предусматривает функциональные расходы на борьбу с насилием в отношении женщин и расходы на функционирование национальной службы по судебной защите ребенка. Кроме того, государство-участник отмечает Закон № 1/05 о пересмотре Уголовного кодекса (статьи 538–563) и Закон № 1/10 от 3 апреля 2013 года относительно Уголовно-процессуального кодекса.

4.4 Что касается его обязательств по пункту 1 статьи 2, то государство-участник подчеркивает, что оно имеет несколько органов по борьбе с сексуальным и гендерным насилием, учрежденных на уровне прокуратур и судов, а также министерств юстиции и по правам человека. Эти органы поддерживаются Независимой национальной комиссией по правам человека, аппаратом омбудсмена и частными ассоциациями.

4.5 Что касается статьи 12, то, по мнению государства-участника, Уголовно-процессуальный кодекс Бурунди точно отвечает цели этого положения: в случае совершения преступления пункт 2 статьи 10 Уголовно-процессуального кодекса 2013 года предписывает сотруднику судебной полиции возбудить дело по должности и незамедлительно уведомить прокурора. В сфере сексуального насилия только что созданы специализированные палаты и назначены судьи и заместители прокуроров исключительно по этим вопросам. Дознание ведется и в обвинительном и в оправдательном ключе при полном уважении прав защиты.

4.6 Что касается статьи 13, то, поскольку прокуратуры и суды располагают специализированными палатами по сексуальному насилию, это положение соблюдается. Как только власти извещаются о деле, немедленно возбуждается судебное расследование.

4.7 Что касается статьи 14, то, как утверждает государство-участник, оно создало юрисдикционную систему, которая в значительной мере отвечает требованиям этого положения. Судья, рассматривающий дело по существу, всегда высказывается относительно применимого наказания и относительно присуждаемой суммы возмещения эвентуальной жертве.

4.8 Государство-участник добавляет, что определение пыток, предусмотренное бурундийским законодателем, соотносится с определением, предусмотренным в статье 1 Конвенции (статья 204 Закона № 1/05 о пересмотре Уголовного кодекса). Тем же законом предусмотрено пресечение актов пыток. Реализация статьи 16 Конвенции производится и за счет предусмотренного в бурундийском Уголовном кодексе 2009 года пресечения всех актов пыток и смежных деяний.

4.9 Что касается конкретных утверждений заявителя, то государство-участник прежде всего приводит фактологическую версию, которая отличается от версии заявителя. К 20 ч. 30 м. 30 июня 2012 года заявителю якобы нанес визит капитан Д.К. После небольшой беседы он якобы попросил ребенка К.Н. сопроводить его домой. Ребенок якобы вышел из семейного дома с военнослужащим. Когда к 23 ч. 00 м. они пришли к капитану Д.К., девочка якобы отправилась в спальню детей военнослужащего, где она и переночевала. Ребенок К.Н. хорошо знала семью, которую она, видимо, уже посещала три раза.

4.10 Государство-участник добавляет, что, как только компетентным органам было обличено сексуальное посягательство, 13 июля 2012 года было открыто судебное расследование, но это расследование не позволило собрать инкриминирующие улики против подозреваемого. В день обличения были заслушаны стороны, а 16 июля 2012 года были представлены экспертные заключения. На следующий день был заслушан единственный свидетель с места событий, который изложил свою версию, и его свидетельство оправдало подозреваемого военнослужащего.

4.11 Всего за четыре дня военный прокурор завершил расследование. И вскоре после этого дело было закрыто. Оперативность расследования сообразовывалась с законом, и не было допущено никакой небрежности. Прокурор не смог установить связь между капитаном Д.К. и сексуальным посягательством, жертвой которого стал ребенок. Государство-участник отмечает, что эксперт не произвел ни отбор проб – между тем необходимых – у военнослужащего, подозреваемого в качестве инициатора посягательства, ни отбор биологических проб у ребенка с целью анализа полученных генетических профилей. Таким образом, следователь военной прокуратуры не смог продемонстрировать, что травмы, полученные ребенком вследствие сексуального посягательства, следует отнести на счет капитана Д.К. По причине неудачи с опознанием истинного исполнителя сексуального посягательства следователь, в соответствии с пунктом 1 статьи 41 Закона № 1/15 от 20 июля 1999 года о реформе Уголовно-процессуального кодекса, запросил и получил санкцию на отказ в возбуждении уголовного дела благодаря тому, что сомнения были истолкованы в пользу военнослужащего.

4.12 Государство-участник добавляет, что, согласно уголовной процедуре, применимой в Бурунди, ребенок и принцип наилучшего интереса ребенка пользуются преимущественной защитой¹⁰. Однако в уголовном производстве действуют и другие основные принципы. Следователь, в частности, обязан блюсти принцип презумпции невиновности. Нельзя ведь полностью исключить, что исполнителем сексуального посягательства на ребенка К.Н. был не капитан Д.К., а другой индивид. И закрытие расследования не есть повод для того, чтобы обвинять судебные власти в бездействии. Сегодня в Бурунди неизвестно и не используется в уголовной сфере расследование с помощью генетической идентификации (ДНК).

4.13 Государство-участник добавляет, что заявитель апеллировала к Комитету до того, как исчерпала в Бурунди внутренние средства правовой защиты. Последняя могла бы обжаловать в вышестоящем иерархическом ведомстве (Генеральный прокурор Республики) неуместность отказа в возбуждении уголовного дела и, предоставив другие инкриминирующие элементы, ходатайствовать о возобновлении дела. Согласно статье 41 а) Закона 1999 года, отказ в возбуждении уголовного дела является административной мерой, которая не запрещает возобновление расследования или преследования. Речь идет о временной и не окончательной мере.

4.14 На данном этапе ребенок не может получить судебную компенсацию только потому, что судья еще не принял дело к рассмотрению. Однако в ожидании возобновления дела ребенок должен получать психосоциальную помощь и медицинское попечение, которые необходимы ему для того, чтобы смягчить травму. Государство-участник добавляет, что оно использует средства, имеющиеся в его распоряжении, для укрепления социальных институтов, поощряя деятельность частных ассоциаций, которые занимаются попечением жертв. Государство-участник уточняет, что в данном случае психосоциальная служба Центра «Серука» осудила тот факт, что заявитель больше не вернулась в Центр и не продолжала пользоваться психологическими услугами, предлагаемыми ее дочери, что, между прочим, имеет незаменимое значение с учетом ее состояния.

¹⁰ Государство-участник ссылается на статьи 554 и далее Уголовного кодекса 2009 года.

**Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника
в отношении приемлемости и по существу**

5.1 16 декабря 2014 года заявитель сформулировала комментарии относительно замечаний государства-участника. Она отмечает прежде всего, что, хотя Бурунди приняло в 2009 году новый Уголовный кодекс, который криминализует пытки, а потом, в 2013 году, и новый Уголовно-процессуальный кодекс, сохраняются многочисленные юридические препятствия к эффективному предотвращению и пресечению практики пыток. Впрочем, принятие законодательства еще не есть залог удовлетворительной реализации, и его недостаточно для того, чтобы предотвратить совершение актов пыток. Статья 558 Уголовного кодекса предусматривает, в частности, что «изнасилование карается основным наказанием в виде пожизненных каторжных работ, если оно совершено в отношении ребенка в возрасте до 12 лет», но, несмотря на адаптированную правовую структуру, реакция государства-участника на проблематику сексуального насилия все еще носит недостаточный характер.

5.2 Заявитель ссылается на свои первоначальные доводы и повторяет, что внутренние средства правовой защиты носят тщетный и неэффективный характер; они превысили разумные сроки и оказались опасными и для ее ребенка и для нее самой. Она добавляет, что после отказа в возбуждении уголовного дела по решению военной прокуратуры она попыталась с помощью Центра «Серука» возобновить разбирательство на уровне внутренних юрисдикций путем реализации прямого вызова в суд, который был подан в военный совет 22 октября 2013 года. Однако 26 июня 2014 года совет на основании статьи 65 Закона № 1/21 от 31 декабря 2010 года о внесении изменений в Закон № 1/15 от 29 апреля 2006 года относительно статуса офицеров Сил национальной обороны Бурунди заявил, что он некомпетентен рассматривать жалобу¹¹. Как добавляет заявитель, между тем это ведомство было признано следственным судьей компетентным в аналогичном деле об изнасиловании малолетней, возбужденном против того же предполагаемого исполнителя¹². Так что приходится констатировать, что тут имеет место непоследовательность в трактовке двух дел. Кроме того, ввиду других нарушений при рассмотрении описанного ранее дела заявитель делает вывод о том, что решение об отсутствии компетенции военного совета выглядит как тактическая уловка с целью защитить виновного от уголовных преследований.

5.3 По существу же дела заявитель утверждает, что государство-участник не оспорило факты. Оно не отрицает совершение сексуального посягательства, ограничиваясь утверждением о том, что не удалось установить связь с предположительным виновником, и тем самым имплицитно признавая, что капитан все же мог быть исполнителем сексуального посягательства.

5.4 Заявитель утверждает, что государство-участник не может пенять ей за отсутствие ДНК-анализа и пытаться обелить себя, перекладывая на жертву отсутствие средств и методов расследования и ожидая, что последняя предоставит другие доказательства за счет методов, которые оно само же не создало. Кроме того, что касается довода государства-участника о том, что заявитель не исчерпала внутренних средств правовой защиты, не обжаловав в вышестоящем иерархическом ведомстве неуместность отказа в возбуждении уголовного дела, то заявитель отмечает, что нельзя требовать представления других инкриминирующих элементов, которые в отсутствие наличных ДНК-анализов не может обеспечить само государство. Кроме того, такая позиция игнорирует ситуацию уязвимости жертвы и ее неимущей семьи после изнасилования по отношению к высокопоставленному чину, который, в свою очередь, пользуется покровительством.

¹¹ Как предусматривает пункт 2 статьи 65, «общеуголовные правонарушения, совершаемые офицером, подлежат обычной юрисдикции».

¹² Дело № RMP 144770.

5.5 Заявитель добавляет, что медицинская экспертиза в настоящем деле вполне подтвердила сексуальное посягательство, чего не отрицает и государство-участник. Кроме того, психосоциальная служба вполне подтвердила наличие соответствия между фактами, описанными ребенком, и его психологическим состоянием, оцененным профессионалами. Впрочем, решения по делам об изнасиловании – не совершенном высокопоставленными государственными служащими – уже выносились на основе заключений медицинской экспертизы без использования ДНК-анализа. Так что отсутствие ДНК-анализа в этом деле не являет собой неодолимое препятствие, и государство-участник не представило удовлетворительного разъяснения в отношении своего бездействия после медицинской констатации особенной тяжести с учетом личности несовершеннолетней, которая должна была пользоваться специфической защитой. Государственные ведомства несли обязанность, назначив полную экспертизу и допросив свидетелей, начать эффективное, оперативное и беспристрастное расследование, дабы установить ответственность.

5.6 Заявитель отмечает также отсутствие на практике осуждений государственных служащих – исполнителей насильственных актов против женщин и других сексуальных посягательств. Когда речь заходит о старших чинах, не возбуждаются никакие преследования. Кроме того, государство-участник выставляет в качестве одного из своих успехов действия, предпринимаемые ассоциациями гражданского общества, тогда как они-то как раз исправляют недостатки государственной реакции на эти нарушения. То же самое относится и к обязательству государства-участника предоставить необходимые меры на предмет возмещения и реабилитации жертвы, что до сих пор обеспечивается частной ассоциацией.

Процедура рассмотрения в Комитете

Рассмотрение относительно приемлемости

6.1 Комитет, как он и обязан сделать в соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции, удостоверился, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что вопреки своим обязательствам по статье 2 (пункт 1) Конвенции государство-участник не приняло необходимых законодательных или иных мер для предотвращения практики пыток. Комитет принимает к сведению меры законодательного порядка, принятые государством-участником, и в частности Закон № 1/05 о пересмотре Уголовного кодекса; пункт 2 статьи 10 Уголовно-процессуального кодекса 2013 года, который предписывает судебной полиции возбуждать дело *ex officio* и немедленно уведомлять прокурора; а также статью 558 Уголовного кодекса, которая предусматривает в качестве основного наказания пожизненные каторжные работы, когда изнасилование совершено в отношении ребенка в возрасте до 12 лет. Комитет заключает, что заявитель не обосновала для целей приемлемости претензию в соответствии со статьей 2 (пункт 1) Конвенции и, соответственно, признает ее неприемлемой.

6.3 Во-вторых, Комитет замечает, что государство-участник оспорило приемлемость сообщения на том основании, что заявитель не исчерпала внутренних средств правовой защиты, поскольку решение военной прокуратуры от 25 февраля 2013 года о закрытии дела можно было обжаловать Генеральному прокурору Республики, предоставив другие инкриминирующие элементы. Комитет отмечает, что даже по признанию государства-участника в Бурунди в уголовной сфере не используются методы расследования с использованием ДНК-анализа. А ведь, как утверждало последнее, для идентификации посягателя и потерпевшей в целях расследования якобы были необходимы такие методы. И поэтому заявителю нельзя поставить в упрек, что она не воспользовалась средством правовой защиты, которое было бы возможно лишь при условии представления

новых инкриминирующих доказательств. Комитет отмечает, что, как бы то ни было, как раз государству-участнику надлежит продолжать поиск истины и обеспечить, чтобы эффективное расследование позволило выявить и наказать виновного в совершенном преступлении. И Комитет заключает, что в этих обстоятельствах внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и сообщение является приемлемым в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции.

6.4 В отсутствие дополнительного препятствия к приемлемости сообщения Комитет приступает к предметному рассмотрению претензий, выдвинутых заявителем по статье 1 и статьям 12, 13, 14 и 16 Конвенции.

Рассмотрение по существу

7.1 Комитет рассмотрел сообщение, должным образом принимая в расчет всю информацию, предоставленную ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

7.2 Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что 30 июня 2012 года в ходе патрулирования член вооруженных сил Бурунди капитан Д.К. отправился в жилище заявителя, якобы увел из дома дочь заявителя К.Н., которой в момент событий было девять лет, и подверг ее сексуальному посягательству. Комитет отмечает, что государство-участник привело иную версию событий, поскольку, по его мнению, капитан Д.К. предложил ребенку К.Н. сопровождать его к себе, и она якобы согласилась. Прибыв в дом военнослужащего, ребенок якобы зашел в спальню детей, с которыми она и переночевала.

7.3 Комитет подчеркивает, что, несмотря на такой фактологический разброс, не оспаривается, что ребенок К.Н. переночевала у капитана Д.К. и стала объектом сексуального посягательства, которое было официально подтверждено медицинской экспертизой, назначенной ведомствами государства-участника в рамках судебного дознания, возбужденного по этому делу. Комитет отмечает еще, что государство-участник не прокомментировало утверждение заявителя о том, что капитан Д.К. якобы сначала пригрозил ребенку смертью с помощью своего огнестрельного оружия, если она не перестанет плакать и кричать, а потом дал ребенку деньги, чтобы заручиться его молчанием, ну а позднее предложил семье жертвы любовную сделку, что, по мнению Комитета, следует расценивать как признание. Соответственно, Комитет придает должный вес утверждениям заявителя в той мере, в какой они были достаточно подкреплены, а государство-участник не ответило на них удовлетворительным образом.

7.4 Комитет отмечает, что 30 июня 2012 года малолетняя дочь заявителя находилась под физическим контролем офицера национальной армии Бурунди. Не оспаривается, что соответствующие действия, совершенные умышленно и заключающиеся в вагинальной пенетрации девятилетнего ребенка, наверняка состояли в том, чтобы причинить боль и острые страдания в непозволительных целях. Эти боли и страдания были усугублены актами запугивания жертвы угрозой огнестрельного оружия. Кроме того, на семью был оказан нажим, чтобы жертва хранила молчание по поводу совершенного изнасилования. Соответственно, Комитет считает, что сексуальные надругательства, перенесенные ребенком К.Н., и сопутствующие акты запугивания, совершенные должностным лицом бурундийского государства в рамках своих функций, входят в сферу действия статьи 1 Конвенции.

7.5 Придя к этому заключению, Комитет не считает необходимым рассматривать те же самые претензии в ракурсе статьи 16 Конвенции, на которую заявитель ссылается субсидиарно.

7.6 Что касается статей 12 и 13 Конвенции, то Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что расследование, возбужденное по данному делу, не отвечало требованиям необходимой беспристрастности, эффективности и оперативности. Комитет отмечает прежде всего, что расследование было возбуждено оперативно, ибо на следующий день после официальной жало-

бы, поданной заявителем, т.е. 13 июля 2012 года, было начато дознание и назавтра были заслушаны свидетели. Комитет отмечает, что по статье 12 Конвенции государства-участники несут обязанность немедленно предпринимать беспристрастное расследование всякий раз, когда имеются резонные основания полагать, что был совершен акт пыток.

7.7 В данном случае и ввиду той скорости, с какой было прекращено расследование, имеются, как считает Комитет, серьезные основания полагать, что принятые меры не носили беспристрастный характер, поскольку они не были направлены на поиски дополнительных доказательств, позволяющих добиться преследования. Соответственно, Комитет не может сделать заключение об эффективности таких мер. Не может быть принята и аргументация государства-участника, которое упрекает медицинского эксперта в том, что тот не произвел отбор генетических проб (в рамках медицинской экспертизы, которую оно само же и назначило), и в то же время утверждает, что в Бурунди не существует таких методов.

7.8 Во всяком случае Комитет отмечает, что после преждевременного прекращения этого дознания не был арестован и передан в суды государства-участника никакой другой подозреваемый, так что исполнитель изнасилования, совершенного против ребенка К.Н., остается безнаказанным, хотя, как предусматривает Уголовный кодекс Бурунди (статья 558), изнасилование, совершенное в отношении ребенка в возрасте до 12 лет, карается наказанием в виде пожизненного тюремного заключения. И Комитет констатирует нарушение статьи 12 Конвенции.

7.9 Не выполнив это обязательство, государство-участник также уклонилось от лежащей на нем обязанности по статье 13 Конвенции гарантировать заявителю право на подачу жалобы, а это предполагает, что власти дают адекватный отклик на такую жалобу, предприняв оперативное и беспристрастное расследование¹³.

7.10 Что касается утверждений заявителя по статье 14 Конвенции, то Комитет напоминает, что это положение не только признает право на справедливое и адекватное возмещение, но и налагает на государства-участники обязанность позаботиться о том, чтобы жертва акта пыток получила компенсацию. Комитет напоминает, что компенсация должна покрывать весь комплекс ущерба, понесенного потерпевшим, и охватывает среди прочего реституцию, возмещение, а также меры, способные гарантировать неповторение нарушений, всегда принимая в расчет обстоятельства каждого дела¹⁴. В данном случае Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что единственные меры сопровождения в целях реабилитации, какие востребовала потерпевшая, были предоставлены частной ассоциацией. Комитет отмечает еще, что государство-участник ставит себе в заслугу работу этой ассоциации, которая не имеет отношения ни к его прерогативам, ни к его юрисдикции, но не определило меры, которые оно намерено принять с целью реализации лежащей на нем обязанности обеспечить реабилитацию и компенсацию в связи со столь тяжким преступлением, как изнасилование ребенка со стороны офицера. В этих обстоятельствах Комитет не может не заключить, что в отсутствие эффективного и беспристрастного расследования государство-участник уклонилось от своих обязательств в силу статьи 14 Конвенции.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, полагает, что представленные ему факты вскрывают нарушение статей 12, 13 и 14 порознь и в сочетании со статьей 1 Конвенции.

¹³ См. сообщение № 578/2013, *Е.Н. против Бурунди*, решение, принятое 25 ноября 2015 года, пункт 7.7.

¹⁴ Там же, пункт 7.8.

9. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) оперативно возобновить расследование соответствующих событий с целью отдать под суд всех тех, кто мог бы оказаться виновным в обращении, причиненном дочери заявителя; б) предоставить заявителю соответствующую компенсацию, включая меры в порядке возмещения причиненного материального и нематериального ущерба, реституции, реабилитации, удовлетворения и гарантий неповторения; с) принять все необходимые меры по предотвращению всякой угрозы или акта насилия, которым могли бы быть подвержены заявитель и ее дочь, в особенности, за подачу настоящей жалобы; и d) информировать Комитет в течение 90 дней с даты передачи настоящего решения о мерах, принятых государством-участником в соответствии с вышеизложенными соображениями, включая возмещение заявителю.
